

УДК 101.1:316
ББК 87.6

М. Годелье

АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА: СТИМУЛИРУЮЩИЙ КОНЦЕПТ С ОГРАНИЧЕННЫМ АНАЛИТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Статья об «азиатском способе производства» одного из ярчайших французских обществоведов, этнографов, антропологов второй половины XX в., несмотря на факт ее публикации во Франции в 1991 г., остается вполне актуальной для исследований в области проблем генезиса государства. Автор в своих работах опирается на традиции марксистской науки. При этом он учитывает и подходы, сформулированные школой структурализма.

Понятие азиатского способа производства является одним из самых интересных во всем творчестве Маркса, разделив и продолжая разделять странную судьбу. Проблема и ее значение важны: как охарактеризовать восточные общества и их эволюцию, как сравнивать их со сменой форм производства и обществами, которые, начиная с Античности, составили историю Запада?

До Маркса: концепт восточного деспотизма

До Маркса Европа с конца XV по конец XVIII вв. выработала понятие восточного деспотизма для характеристики политического режима и общества Османской империи, близкого врага Европы, равно как и политических режимов Персидской империи и Могольской Индии. Концепт восходил из больших глубин, поскольку еще в «Политике» Аристотель утверждал, что «варвары от природы выступают в большей степени рабами, чем греки, и азиаты более склонны к рабству, чем европейцы: вследствие чего они терпят, не протестуя, деспотическое правление. Такие монархии подобны тираниям, но они пребывают в безопасности, будучи наследственными и законными»¹.

Начиная с XVI в., от Бодена до Мотескье, который представляет в «Духе законов» общую формулировку принципов деспотических

правлений, понятие обогащается наблюдениями, доставленными путешественниками по Востоку и, в частности, сведениями Бернье. Затем с середины XVIII в. до Маркса, экономистов (Адам Смит, 1751; последователь Мальтуса² – Ричард Джонс, 1831) и философов (Гегель «Философия истории», 1831) добавляются другие элементы картины восточных обществ.

В итоге концепт восточного деспотизма объединял следующие идеи. На Востоке земля есть собственность Государства; индивиды равны перед лицом Государства, поскольку находятся в таком же сервильном положении; в обществе не существует наследственной знати, а индивид имеет власть и богатство только через причастность к Государству; похоже, что восточное общество лишено гражданских законов, а религия, в какой-то степени, выступает субститутутом права и играет доминирующую роль. Масса населения живет противостоящими друг другу деревенскими общинами, а земледелие здесь доминирует над промышленным производством. Географическая и засушливая климатическая среда делают необходимыми общественные оросительные работы; и Государство оказывается их главным организатором. Наконец, эти общества остались, начиная с зари цивилизации, в исторически неподвижном состоянии.

Таким образом, понятие восточного деспотизма выражает отрицательное, даже расистское, идеологическое видение Востока, которое может быть проиллюстрировано многочисленными утверждениями Монтескье или Гегеля. Для последнего в Индии «то, что может быть названо политической жизнью является деспотизмом без каких-либо принципов, без моральных и религиозных правил»³, а «Китай и Индия пребывают в состоянии застоя и до наших дней продолжают естественную растительную жизнь»⁴. Но понятие внедрилось через идеологическую борьбу, которая разворачивалась на самом Западе, поскольку описание Монтескье восточного деспотизма позволяло ему косвенно нападать на абсолютную монархию Бурбонов, которую он именовал «турецкой тиранией». Напротив, Вольтер восхвалял просвещенный деспотизм Китая, а вслед за ним все, кто желал, чтобы монархические правительства Европы навязали обществу реформы, почитаемые ими как необходимые во имя Природы и Разума, становились адвокатами просвещенного деспотизма. Именно отсюда отправился Маркс, когда выработал понятие азиатского способа производства⁵.

Маркс: от восточного деспотизма до азиатского способа производства

Понятие азиатского способа производства выработалось между 1853 и 1858 гг. и его отчетливая формулировка появляется в 1859 г. в предисловии «К критике политической экономии», в котором Маркс пишет: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут рассматриваться как *прогрессивные* [последовательные – ? – *Ред.*] эпохи экономического формирования общества»⁶. Первый момент выработки этого понятия соответствует серии статей, опубликованных в 1853 г. в *New York Daily Tribune* и в

некоторых письмах, которыми обменивались в это время Маркс и Энгельс. Второй момент, наиболее важный и наиболее оригинальный, относится к 1857–58 гг., когда Маркс пишет «Formen, die der kapitalistischen Produktionweise vorhergehen» [«Формы, предшествующие капиталистическому способу производства»]⁷. Позднее, с 1870-х гг. до самой смерти в 1883 г. Маркс многократно возвращается к понятию, отныне в свете знакомства с сочинениями Моргана и других этнологов, а также своих исследований по аграрной истории России и Восточной Европы. Три наброска письма Вере Засулич (1881) свидетельствуют о его окончательной эволюции.

Но почему *азиатский способ производства*? Концепт способа производства является первым ключевым концептом теории Маркса, концептом, который приобретает форму, начиная с «Немецкой идеологии» (1846). «Способ» производства – это комбинация материального «образа» [«maniere»] и социального «образа» [«maniere»] производить. Материальный образ сочетает *производительные силы*, материальные и интеллектуальные, которые характеризуют общество в определенную эпоху. Социальный образ – это совокупность отношений, через которые люди воздействуют на природу, чтобы производить свои материальные условия существования и распределять их. Эти отношения Маркс назвал *общественными производственными отношениями*.

К этим определениям Маркс добавил две гипотезы: с одной стороны, он предполагает, что производственные отношения, которые исторически сменяют друг друга, соответствуют определенным ступеням производительных сил, с которыми они сочетаются с образованием различных способов производства, т. е. экономические базисы [основания – *Ред.*] различных типов обществ. С другой стороны, он предполагает, что другие социальные образования [«institutions»] (формы семьи, религии, управления, и т. д.) равно соответствуют различным способам производства и образуют с ними специфические общественные целостности, которые он называет *общественными и экономическими формациями* [образованиями –? – *Ред.*].

Какими же были для него особенности «азиатского» способа производства и соответствующих ему общественных форм? Мы покажем их по двум осям: с одной стороны, отношения между экономическими структурами и Государством; с другой – отношения между «азиатским» способом производства и «деспотическим» характером Государства, которое ему соответствует.

1. Экономика и Государство, восходящие к азиатскому способу производства

Специфической чертой азиатского способа производства, по Марксу, должно было бы выступать то, что в этих обществах Государство является собственником земли. Но присвоение земли Государством может скрывать очень разнообразные формы и вариант форм, от относительно мало принуждающих локальные общины там, где Государство претендует лишь на, своего рода, «высшую» собственность на земли местности, над которой осуществляет суверенитет, до форм гораздо более весомых, когда Государство предстает «единственным» владельцем земель и лишь

уступает локальным деревенским или племенным общинам право на обладание и использование. Когда же Государство предстает единственным собственником земли, оно выступает как условие выживания всех людей, как условие, которое должно присутствовать с тем, чтобы труд людей мог извлекать из природы средства их существования и их материальные богатства. Государство, хозяин природы, имеет сверхъестественный характер, а представитель его выступает как существо божественной природы, осуществляющее абсолютную «деспотическую» власть как над людьми, так и над вещами.

Для Маркса формы собственности Государства, выступающего как высшая и по своему происхождению сверхъестественная община по отношению к локальным общинам, могут являть обилие изменений более древних форм племенной или общинной собственности на почву [sol], которые составляют одновременно и их отдаленное происхождение, и их основание. В этой перспективе азиатский способ производства предстает как вышедший из некоторых форм процесса образования Государства и господствующих классов или каст в недрах древних племенных обществ. Государство, раз сложившись и став «собственником» общинных земель, над которыми осуществляет свой суверенитет, может ограничиться взиманием части рабочей силы и продукта этих общин в качестве дани или налога. В таком случае оно не играет никакой прямой роли в организации труда и в производственном процессе этих общин. Но оно может также напрямую вмешиваться в условия их производства, мобилизуя их рабочую силу для осуществления крупных работ в интересах экономики (оросительные каналы) или политики (пути сообщения). Выступали ли эти работы благотворно или нет для соответствующих общин, по Марксу, сами локальные общины, чтобы обеспечивать выживание и развитие доминировавшего над ними Государства, должны были включать в себя материальные и социальные условия для собственного воспроизводства и для регулярного производства прибавочного продукта для государства. Эта местная автономия могла обеспечиваться лишь комбинацией различных форм земледелия и ремесла [industrie]. К тому же – и в этом заключена весьма интересная мысль Маркса, – чтобы воспроизводиться, община должна не только производить материальные условия существования различных составляющих ее семей, но также и прибавочный продукт, предназначенный для ее воспроизводства *как таковой*, как высшей общности по отношению к каждой семье и к каждому из ее членов, и беря на себя их общие интересы (отправление обрядов, оборона территории, и т. д.). Но, подчинившись Государству, эта община соответственно должна поставлять труд и продукты своего труда этой высшей общине, этой общности, которая превосходит ее. С производством этого прибавочного продукта, предназначенного Государству, их политическое подчинение дублируется их экономической эксплуатацией. Таковая может приобретать разнообразные формы: *барщины*, осуществляемой для празднования славы высшей общины, Государства, инкарнируемого в тиране и воображаемыми реалиями, богами, или для создания коллективных условий производства или средств сообщения; *рент*, которые совпадают с налогом и которые в большинстве случаев вносятся натурой; *дани*, выплачиваемой завоеванной общиной общине-завоевательни-

це. Существуют различные формы рабства и крепостничества, но они имеют вспомогательное значение – вспомогательное значение потому, что масса населения, будучи воспринимаемой как «свободная» по отношению к рабам и другим поработанным категориям, может в любой момент оказаться вынужденной нести барщину или платить дань Государству. Впрочем, если индивид подчинен Государству, – это в наименьшей степени следствие факта принадлежности к более обширной социальной группе, линеджу, деревне, племени. Это группа, которая непосредственно подчинена Государству, и это подчинение как раз приобретает форму от подчинения одной общины [общности] другой – подчинения политического, религиозного, экономического.

Государство, чтобы поддержать свою претензию быть владельцем их земель и отчуждать часть рабочей силы и продукта локальных общин, должно прибегать к силе или к угрозе силы, и/или достигать их согласия по религиозным или иным причинам. Эксплуатация локальных групп Государством покоится, таким образом, прежде всего, на механизмах и силах *внеэкономических*.

В экономике этого типа автаркия локальных групп и факт, что налоги и дань большую часть времени взимаются натурой, а не в денежной форме, тормозит развитие рыночных отношений. Часто имеются многочисленные и важные города, которые выступают местом роскошного потребления представителей Государства и, в то же время, точками обмена местного избыточного продукта на продукты чужеземные. Касты, или торговые классы, более или менее находящиеся на службе у Государства и контролируемые им, составляют элемент социальной структуры с более низким статусом, чем у священников, воинов или администраторов Государства. Таким образом, этим производственным и обменным отношениям соответствовали причудливые [originales] формы суверенитета и управления. Понятие деспотизма обобщало их до Маркса. Он же воспользовался таковым сам, но переосмыслив его в соответствии со своей концепцией «азиатского» способа производства.

2. «Азиатский» способ производства и «восточный деспотизм»

Вернемся к взглядам Маркса на истоки «азиатского» способа производства и «азиатского» Государства. Таковые, возможно, произошли вследствие эволюции некоторых общинных форм собственности, труда и организации общества, в основном – племенных и этнических. По разным причинам – среди прочих военная и демографическая экспансия некоторых групп (древнее Перу) или необходимость централизовать власть ради организации крупных работ, – соображение, которому Маркс придавал меньшее значение, чем Энгельс, – могло оказаться необходимым развить политические и экономические отношения, которые опираются на эти локальные племенные и этнические группы, интегрируя их при этом в общину [общность], более обширную и, соответственно, более абстрактную по характеру.

Эта более широкая, но более абстрактная общность в эту эпоху – и эта идея Маркса кажется нам по-прежнему плодотворной – могла облекаться лишь в религиозную форму или ссылаться на сверхъестественное

происхождение. От этого содержание этой общности, ее единство могло воплощаться «в одном случае, в воображаемой племенной целостности, в одном боге, в другом – реальном деспоте»⁸, прислужнике бога. Такими могли быть особенности азиатского Государства, власть которого могла принимать форму абсолютной «деспотической» лишь тогда, когда эта власть представляла как сверхъестественная по происхождению и воплощалась в вымышленных или реальных персонажах, божественной сущности или близких богам. Этот божественный характер или монополия на доступ к богам является тем, что отличает монарха и возвышает его над всеми человеческими существами, включая тех, кто выступает одновременно и инструментом, и тех, кто пользуется благами Государства, воплощаемого им, – священников, воинов, бюрократов, сановников различного рода. Его воля, его решения становятся законом для всех. Именно для того, чтобы обозначить эту форму абсолютной власти, Маркс подхватил этот старый термин «деспотизм», который, к сожалению, неизбежно указывает на форму власти, способную в любой момент вылиться в произвол и тиранию. По сути, власть «азиатского» монарха черпала свою природу и особенности применения в социальных мотивах и исторических условиях, сделавших «необходимым» существование надлокальных и надплеменных отношений и властей.

В качестве дополнительной к идее «деспотической» власти или, скорее, содержащейся в этой идее Маркс выдвигает также идею, что в обществах с азиатским способом производства массы свободных людей оказываются лицом к лицу с Государством в, своего рода, отношении «всеобщего рабства» [d'esclavage generalise], потому что статус свободного человека не освобождает его от барщины или дани в пользу Государства. Тем не менее, по самому факту быть свободным статус человека ни в коем случае не может смешиваться со статусом раба, который в греко-латинских обществах Античности закреплен за хозяином, либо в феодальных обществах средневекового Запада – со статусом крепостного, привязанного к земельному участку или к семье своего феодального сеньора. Вот почему Маркс взял на себя труд настойчиво подчеркнуть, что отношение политической и экономической зависимости, то есть подчинение азиатскому Государству, предстает как вариант «всеобщего рабства», но таковым воспринимается «только с европейской точки зрения»⁹. Тем не менее, у него эти оговорки не возникли – а для нас они неизбежны – как только он воспринял концепт восточного деспотизма.

Маркс многократно возвращался к идее, что тот факт, что Государство с азиатским способом производства претендует на собственность или на высший контроль за использованием земель, воспрепятствовал развитию частной собственности на землю или затормозил его, а также повлек другие следствия: «деспотическую» форму правления и особый вес религии в культуре и в функционировании восточных обществ.

Из этого факта вытекает, что социальная структура и природа «господствующих классов» в обществах с азиатским способом производства могли быть лишь весьма отличными от таковых в обществах, где господствующие классы обладали землей и эксплуатировали чужой труд на собственной основе, *отделенной от Государства*, что позволяло им, как

вероятность, *противопоставлять себя* Государству, опираясь на это основание. И это собственное основание было вполне отчетливым и отделенным от форм общественной собственности [propriete commune], которая могла существовать на локальном уровне.

Напротив, в обществах, относящихся к азиатскому способу производства, индивид или социальная группа мог располагать чужой землей и трудом лишь в той мере, в какой он осуществлял какую-то функцию в Государстве и имел на это разрешение благорасположением государства, на временной или на постоянной основе. Разумеется, если это право пользования становилось наследственным, начинало формироваться основание власти, отделенное от Государства.

Из этого факта следует, что господствующий класс в обществах с азиатским способом производства может лишь смешивать себя с Государством – с пребывающим над этим классом представителем царствующей династии, вышедшим из социальной группы, которая получила или завоевала контроль над Государством. Но эта группа не может управлять Государством без участия многочисленных индивидов и социальных групп, которые выполняли различные функции, нагрузки и службы государства: священников, воинов, администраторов, судей, сановников разного рода. И в той мере, в какой различные локальные, племенные, этнические и другие группы продолжали составлять основу Государства и сохраняли свою собственную иерархию (власть которых отныне была легитимной лишь при условии признания Государством). Господствующий класс обществ с азиатским способом производства составлял вершину сложной социальной стратификации, весьма отличной от тех, которые развиваются на Западе на основе различных форм собственности на землю, отделенных от Государства. Из любви к формулировкам скажем, что все происходит, как если бы «на Востоке» Государство господствует над господствующими классами и служит им, своего рода, подпоркой, в то время как «на Западе» – наоборот, господствующие классы служат подпоркой Государства, господствуют над ним и трансформируют его, когда оно соответствует их интересам.

Таковы основные элементы, раскрывающие, на наш взгляд, концепты азиатского способа производства и восточного деспотизма у Маркса. Но эти концепты не были застывшими и эволюционировали в течение жизни Маркса. Посмотрим бегло, в каком смысле.

3. Эволюция концепта азиатского способа производства у Маркса

В 1853 г., комментируя для *New York Daily Tribune* последствия «разрушения общественного строя в Индии», вызванного британским господством, Маркс вынужден осмыслить особый характер восточных обществ. С 1853 по 1858 гг. это осмысление приводит его к рассмотрению общественных порядков древнего Востока и древнего Запада. В то же время, он производит «девостокизацию» азиатского способа производства, поскольку в «Formen» [«Формы, предшествовавшие...»]¹⁰ он прилагает концепт как к доколумбовым Перу и Мексике, так и к древним кельтам.

Потеряв свои исходные «азиатские» отсылки, концепт обозначает отныне целую серию обществ прошлого и настоящего, которые, для него, имеют общую особенность сочетать надлокальную форму Государства, претендующего на собственность и контроль земель, с локальными группами, которое оно эксплуатирует и, возможно, угнетает. Сохраняя в главном свою способность воспроизводиться без Государства, которое ограничивается чаще всего присвоением части их рабочей силы и продукта в форме барщины и дани, эти общины [сообщества] в основе безразличны к судьбе Государства, в том числе и к вторжению чуждых народов, изгоняющих правящую династию, чтобы заменить ее своим вождем и его родней. В это время Маркс примыкает к весьма этноцентричным взглядам своих предшественников и, в частности, воспроизводит взгляд Гегеля на Индию, которая «совсем не имела историю или, как минимум, известную историю»¹¹; и сам он пишет, что «гигантская, полуварварская империя Китая *произрастала in the teeth of time*»¹².

Позднее в книге I «*Капитала*» (1867) Маркс вернется к этим идеям, утверждая, что деревенские общины, такие, какими они существовали в Индии его времени, «давали ключ незыблемости азиатских обществ, незыблемости, которая столь странно контрастирует с непрерывным распадом и воссозданием азиатских *Государств*, насильственной сменой их династий»¹³. Формулировка двусмысленна и выдает некоторое противоречие во взглядах Маркса, так как династии не суть Государство. Династии могут сменяться, когда новая социальная группа захватывает Государство и ставит его на службу себе. Но Государство может оставаться тем же самым по своей сути. И к тому же, если «восточный деспотизм» есть форма Государства, которая соответствует азиатскому способу производства, и если он органично связан с присвоением Государством земель локальных общин [общностей], то «азиатское Государство» живет так долго, как долго живут они, воспроизводится в той мере, как воспроизводятся они. В этом смысле деспотическое Государство столь же неизменно, как и они. И сам Маркс напоминал, что на Востоке, земле древних цивилизаций, «варварские завоеватели были более или менее быстро завоеваны высшей цивилизацией их подданных»¹⁴. С 1853 г., принимая во внимание «незыблемость» азиатских обществ, Маркс логично задается вопросом «осознать, может ли человечество реализовать свою судьбу без фундаментальной революции общественном положении в Азии»¹⁵. Британцы, «первые завоеватели из цивилизации, высшей по отношению к индийской», преследуя «наиболее гнусные интересы», предстают ему «безотчетным инструментом истории, провоцируя эту революцию»¹⁶. «У Англии, – писал он, – имеется двойная задача, решаемая в Индии: одна разрушительная, другая созидательная – уничтожение старого азиатского общества и создание материальных оснований для западного общества в Азии»¹⁷.

Но, начиная с 1870 г., Маркс поменяет взгляд, когда предпримет – в перспективе завершения книги III *Капитала*, посвященного теории земельной ренты, – глубокий анализ эволюции форм земельной собственности в Европе и, в частности, в Германии и в России. Для этого он учит русский язык. То, что впечатляет его отныне, это – *живучесть* земледельческих общин [общностей], которые он отличает теперь от архаических или

примитивных общин [общностей], и которые России просуществовали до XIX в. В продолжение, в 1881 г. он протестует против пресловутой цивилизаторской роли Англии в Индии. Азиатский способ производства и формы Государств и обществ, которые с ним связаны, представляются отныне Марксу как продукты одного из путей эволюции, которые стали возможны через разрушение «первичной» формации человеческого общества, которая сопровождалась последовательной сменой и сосуществованием совокупности форм общин [общностей] различного типа и возраста, которые Маркс называет «примитивными» или «архаическими». Азиатский способ производства мог бы основываться на базе «земледельческой общины» [commune agricole], рассматриваемой Марксом в качестве «последней», «наиболее недавней» формы «первичной» формации человеческого общества. Но эта форма общины [общности] «в то же время является фазой перехода к вторичной формации общества, перехода от общества, основанного на общинной [общей] собственности на землю, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация [...] охватывает совокупность обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве. Но можно ли сказать, что историческая судьба земледельческой общины [commune agricole] должна фатально завершиться таким исходом? Вовсе нет. Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: ее собственнический компонент возобладает над коллективным, или последний возобладает над первым. Все зависит от исторической среды, в которую она окажется помещена»¹⁸.

Лишь на этом фундаменте различных не-общинных [не-общих] форм собственности на землю, античной частной собственности, феодальной собственности, и т. д., таких как рабство, крепость и другие формы личного подчинения, между прочим, только и нашли условия наиболее значительного развития, задающего иные характеристики для форм обществ и Государств, построенных на этих основаниях, подлинные классовые общества.

Так, для Маркса за два года до смерти азиатский способ производства предстает как исконная форма перехода примитивных обществ к обществам классовым, форма перехода, возможно, самая распространенная в потоке истории. Она была связана с существованием сложной формы земледельческой общины, «природную живучесть» которой, порожденную дуалистским характером ее структур, он отныне подчеркивает. Он даже пишет, что «живучесть примитивных общин [сообществ] была несравнимо более значимой, чем у [общин] семитов, греков, римлян и т. д., и *a fortiori*, чем в современных капиталистических обществах»¹⁹.

Азиатский способ производства все менее и менее предстает как незавершенная, неполная, ущербная форма перехода примитивных обществ к обществам классовым, форма, чья незавершенность должна была бы непременно вызвать вековую стагнацию обществ, формирующихся на таком основании, их незыблемость, их своего рода окаменелость в истории, которая их затем и лишила истории.

Общества азиатского способа производства продолжают представляться Марксу как не принадлежащие полностью к классовым обществам, к вторичной общественной формации, потому что в них сочетаются структуры, социальные отношения, относящиеся к примитивным

общностям, с другими – характеризующими классовое общество. Азиатский способ производства обладает отныне собственным динамизмом, который может привести к эволюции в различных направлениях и, в частности, вести – вследствие более или менее полного исчезновения форм общей [общинной] собственности, которые характеризуют ее изначально, – к его замене классовым обществом. Именно так эволюционировал азиатский способ производства в Японии в сторону феодальной формы экономики и общества, в Китае к различным формам частной собственности, над которыми Государство сохраняло свой контроль, и на Западе к рабовладельческому способу производства. Энгельс, со своей стороны, утверждал во «Франкской эпохе» (1882), что германские племена могли эволюционировать в сторону азиатского способа производства, если бы они не заселили пространства Европы, подчиненные Римской империи, в те времена, когда разлагался рабовладельческий способ производства и режим частной собственности на землю²⁰. После вторжения в Римскую империю и распада последней германские общества и местные завоеванные ими общества на территории древней Галлии и в Германии эволюционировали в сторону «феодального» способа производства, покоящегося на земельной собственности сеньоров, которая оказалась выведена из-под контроля Государства.

Критический итог применения понятия «азиатский способ производства»

Подлинный критический итог использования понятия азиатский способ производства должен быть подведен специалистами по обществам, которые Маркс относил к этой категории: Индия, Персия, Перу, архаическая Греция, и т. д. Мы только ограничимся тем, что изложим наш взгляд, который будет взглядом этнолога, лишь в любительском плане обращающегося к истории. При этом будем настаивать только на том, что, как мы считаем, представляет теоретический интерес.

1. Первый сильный пункт понятия азиатского способа производства. Таковое преобразовало более старое понятие восточного деспотизма в особый взгляд на процессы, которые привели к появлению Государства, господствующих каст и классов через развитие старых племенных общинных форм собственности, труда и организации общества. И этот взгляд интересен и для этнологов, и для историков.

2. Маркс создал также своеобразное произведение, связав наличие деспотизма, «абсолютной» власти Государства с тем фактом, что Государство требует собственность на землю, источник существования и богатства локальных общин [общностей].

3. Идея, что Государство может воплощаться [s'incarner] в воображаемом существе, в боге, и что присвоение земли Государством могло проявляться как имеющее сверхъестественные основания, равно интересна для этнологов и историков.

4. В общем виде заметки Маркса по поводу азиатского способа производства показывают важность, которую он признавал за общинными формами собственности и организации общественной жизни в эволю-

ции человечества. В этом он отражает свою эпоху и связь с работами Маурера, Моргана, Ковалевского и др., с которыми он был близок.

5. В контрасте с обществами и Государствами азиатского способа производства Маркс показал особый характер истории Запада, которая началась в Греции с появлением городов-Государств, в недрах которых развивалась частная собственность на землю, отделенная от *ager publicus*, земли Государства, т. е. общины [общности] граждан, свободных людей, родившихся в городе. Именно в этих рамках приобретает большое значение использование рабов для производства товаров.

6. Позиция Маркса по рабству и крепостничеству ясна и имеет мало общего с тем, чем стал вульгарный марксизм. Для него рабство и крепостничество существуют и даже сосуществуют в многочисленных обществах, включая общества с азиатским способом производства, и все это – в различные исторические эпохи. Для него необходимы *специфические* обстоятельства, чтобы рабство или крепостничество стали *главным* элементом способа производства, основанного на эксплуатации труда другого.

7. Идея ограниченного развития торговли, за исключением торговли предметами роскоши, в обществах с азиатским способом производства, порождаемая одновременно сбором Государством ренты и дани продуктом или трудом скорее, нежели в денежной форме, и контролем торговли со стороны Государства.

8. Идея, все более и более присутствующая у Маркса, о том, что азиатский способ производства и соответствующая ему форма Государства могли эволюционировать и исчезать, сменяясь «античным» способом производства в архаической Греции, или «феодальными» формами производства в Японии, или чем-то другим, как в Китае – с развитием различных форм частной собственности, контролируемые Государством. Но по поводу Китая тексты Маркса не дают вполне ясной картины.

По отношению к этим интересным пунктам слабые позиции многочисленны и таковы, что концепт азиатского способа производства представляется незавершенным и недостаточным для представления о структурах и эволюции обществ Востока, Америки и Европы, несмотря на устремление распространить концепт и на них. Этноцентризм, читай – внутренний расизм, отраженный в понятиях деспотизм и всеобщее рабство [esclavage generalise], сегодня неприемлемы, даже если Маркс уже умерил эти суждения, подчеркивая, что эти вещи предстают таковыми только в глазах европейцев. Впрочем, даже если Маркс в 1859 г. во Введении (неопубликованном) к *Критике политической экономии* рассматривал азиатский способ производства как «прогрессивную» эпоху человечества и в 1881 г. признавал жизнеспособность сельских общин [communes rurales], которые составляли его основу, он никогда полностью не исключал идею вековой стагнации восточных обществ, заимствованную у своих предшественников. Возможно, это суждение соответствовало очень ограниченному количеству информации по истории этих обществ, которым обладали люди XVIII–XIX вв. Но оно не соответствует более тому, что мы узнали с того времени по истории ислама или Китая, Персии и т. п.

Но основная слабость концепта азиатского способа производства не в этом. Она – в слишком общем характере, который позволяет приложить

его к десяткам обществ как Востока, так и Запада, доколумбовой Америки, равно как и доколониальной Африки и всех эпох, от Античности до наших дней.

На деле же стремились ограничить концепт азиатского способа производства представлением о централизованном Государстве с деспотической властью, господствующим над населением, живущим, в основном, деревенскими, племенными или этническими общинами, но что это Государство лишило его целиком и полностью собственности на земли, которые оставило населению в пользование и потребление за барщину и дань. Идея, что это Государство обязано рождением необходимости в организации больших работ, не имеет у Маркса центрального значения.

Понятно, что, будучи сведен к этим нескольким элементам, концепт азиатского способа производства может, если не применяться с точностью, то, по крайней мере, прилагаться к некоторым аспектам как Китая эпохи Мин, так и к Индии моголов, как к Инкской империи, так и к древней Руси. Но что общего между закатом древних священных королевств и образованием централизованного Государства в Китае с VI по III вв. до нашей эры, эпохи зарождения конфуцианства, и тем, что с образованием Османской империи, завершившемся в 1453 г. взятием Константинополя, завоеванием древней Византии во имя ислама утверждается, что земля принадлежит Богу и его представителю на земле – султану? И как сопоставить эти общества с Индией каст до и после ее завоевания исламизированными моголами? Эти Государства, эти империи, эти экономики могли ли быть до такой степени различными специфическими формами азиатского способа производства и деспотического Государства, которое соответствует ему? Ответ – очевидно, нет. А как понять, что разновидность азиатского способа производства эволюционировала, даже будучи иногда в изоляции, как в Японии, в феодальную форму организации экономики и власти, которая никогда не подвергала сомнению священные функции императора, и что другая разновидность как бы окаменела в иерархии замкнутых на своих функциях и самих себе каст, как в Индии брахманов и раджей?

Концепт азиатского способа производства не обладает способностью объяснить эти различия, и это – по многим причинам. Две достойны того, чтобы задержаться на них, поскольку они позволяют сопоставить концепт азиатского способа производства с двумя основными тезисами Маркса: первым выступает идея существования отношений соответствия между производительными силами и производственными отношениями; вторым – идея, что производственные отношения играют решающую роль, так как организуют все – как процесс труда, так и распределение продуктов труда.

В самом деле, Маркс никогда не давал точных указаний на природу производительных сил, которым соответствует азиатский способ производства. Он упоминает множественные комбинации земледелия и промышленности, которые могли бы обеспечивать воспроизводство локальных общин [сообществ], но не более того. Он говорит²¹ об азиатском способе производства как о «прогрессивной» [последовательной – ?] эпохе в истории человечества, как об эпохе, увидевшей прогресс производительных сил, но он ничего более не говорит об этом прогрессе и об этих

производительных силах; и при этом он настаивает²² на тысячелетнем застое производительных сил в азиатских обществах, вызванном тяготами барщины и дани, навязанными своим подданным некоторыми деспотическими Государствами. Эти слишком смутные формулировки не позволяют-таки различать, какому уровню развития производительных сил соответствует появление той или иной формы азиатского способа производства. Разумеется, история техники в XIX в. была еще в зачаточном состоянии, и Маркс был первым, кто сетовал на это положение. Но уточнения, которые он дает по другому главному аспекту азиатского способа производства, по социальным отношениям, отличающим эту форму производства от других социальных форм производства, равно остаются слишком смутными, недостаточными, чтобы сделать из них инструмент исторического анализа. Так как «собственность Государства на землю», которая, с точки зрения Маркса, является специфическим элементом производственных отношений, восходящих к азиатскому способу производства, может прибегать к самым разнообразным формам, тормозить или ускорять развитие материальных и интеллектуальных производительных сил, навязывать или нет brutальные формы вмешательства Государства для изъятия части рабочей силы и/или продукта труда тех, кто черпает свои ресурсы из использования земли. Сказать, что в этих обществах земельная рента и налог имеют тенденцию совпадать, потому что Государство ведет себя и как собственник, и как суверен одновременно, выступает важным замечанием, но его не достаточно, чтобы характеризовать природу производственных отношений и эксплуатации, свойственных азиатскому способу производства, особенно, если эта рента-налог не изымается на уровне индивидов или их семей, но на уровне локальных общин [общностей], которые оказываются коллективно ответственными за это. В этом случае рента-налог приобретает форму дани, выплаченной этими общинами [общностями] Государству, и Маркс говорит иногда об азиатском способе производства как о данническом способе производства [mode de production tributaire].

Так, во всех случаях, когда Государство не вмешивается напрямую в трудовые процессы и в способы производства локальных общин [общностей], чтобы преобразовать их в соответствии со своими взглядами или своим целями, взимание ренты-налога на уровне локальной общины [общности] оставляет более или менее незатронутыми трудовые процессы и способы производства, разворачивающиеся внутри этих общин [общностей]. Особый элемент – характерная для производственных отношений азиатского способа производства собственность на землю со стороны Государства – материализуется в форме своего рода коллективной дани, выплачиваемой общинами [общностями], может цепляться за всевозможные реальные производственные отношения, в которых могли бы обнаруживаться, как бы скрытыми и замаскированными, отношениями между Государством-собственником и локальными общинами [общностями]. Через это производственные отношения азиатского способа производства как бы являются *отчасти* «неопределенными», поскольку они могут подразумевать весьма разнообразные трудовые процессы и локальные способы производства. Там, где Государство не выступает прямым деятелем производ-

твенного процесса и не осуществляет управляющую функцию в этом процессе, функцию, основанную на природе производительных сил, которые приводят в действие этот процесс, все происходит, как если бы производственные отношения, свойственные азиатскому способу производства, и «данническая» [«tributaire»] эксплуатация человеческого труда, через которую это отношение реализуется, были обречены оставаться, в какой-то степени, внешними и безразличными к конкретным определениям локальных способов производства, над которыми они осуществляются.

В заключение, если азиатский способ производства является лишь «данническим» способом производства, он не может быть доподлинно способом производства. Или же то, что называли азиатским способом производства не достаточно, чтобы объяснить образование форм абсолютного, деспотического государства, с которым оно оказалось связано, по мысли Маркса. Для того чтобы существовало нечто, подобное азиатскому способу производства, необходимо, чтобы присутствие Государства видоизменяло – изнутри и на долгосрочной основе – социальные и материальные условия производства.

Странная судьба азиатского способа производства

Понятно, почему этот концепт после короткого воскресения в 1960-е гг. с того времени снова соскользнул на относительно маргинальное место в теоретических дискуссиях историков и антропологов, как марксистских, так и немарксистских. Азиатский способ производства следует, таким образом, судьбе, которая не перестала быть странной. Мало известный и мало используемый марксистами в конце прошлого и в начале XX в., просто потому что основные тексты, которые определяют его, были опубликованы лишь в 1939 г. на русском и в 1953 г. на немецком в Берлине, он, тем не менее, не игнорировался Розой Люксембург или Лениным, который видел в России «полуазиатскую» страну. Тем не менее, редкость текстов привела Плеханова в 1909 г. к представлению, что под влиянием Морган Маркс и Энгельс к концу своей жизни отказались от этого понятия. Это, как мы знаем теперь, было ошибочно. После большевистской революции и особенно после поражения революционных восстаний в Китае в 1929 г., понятие было подвергнуто двум весьма знаменитым исследованиям в 1930 и в 1931 гг. в Тифлисе, а затем в Ленинграде, чтобы посмотреть, может ли оно служить для понимания особенности обществ и истории Азии. Заключение оказалось отрицательным, и азиатский способ производства стал одним из немногих концептов Маркса, официально исключенных – или почти – из марксизма теми, кто провозглашал себя его революционными наследниками. Но в то же время, он был вновь использован Карлом Виттфогелем, китаистом, который использовал его, чтобы критиковать русский социализм по-сталински, рассматриваемый им как современное перевоплощение восточного деспотизма предков.

Затем, в начале 1960-х гг., через нескольких лет более свободных дискуссий, последовавших за критикой Сталина, содержащейся в докладе Хрущева, развернулись широкие дебаты на этот раз среди публики, яв-

лявшейся специалистами по Азии и по античной истории. К 1972 г. эти дебаты были снова закрыты, большинство историков и этнологов стран Востока продолжало отбрасывать понятие или относиться к нему враждебно. На Западе к нему время от времени отсылаются как к приблизительно и временному способу понять логику социально-экономических формаций, сочетающих племенно-общинные отношения со структурами Государства, и позиционировать их среди различных линий эволюции человечества. Его использование становится, таким образом, еще более ограниченным. Оно может касаться, к примеру, соперничающих королевств античного Китая, но, безусловно, не императорского Китая Сонгов; или же обществ ольмеков, ацтеков или инков, но, затруднительно, царской России XIX в. Даже будучи так ограничено в своем применении, это понятие не достаточно для того, чтобы осознать различия, которые существовали между античным Китаем и Государствами доколумбовой Америки. Итак, оно дремлет, и видно, почему. Оно обозначает подлинные проблемы, но вне блестящих, стимулирующих формулировок и интуиций это понятие осталось слишком общим, слишком мало разработанным, чтобы позволить нам найти решение этих проблем.

¹ La Politique, IX, 3.

² Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. – Londres, 1976; Jones, R. An Essay on the Distribution of Wealth and on the Sources of Taxation. 1-ere partie : Rent. – Londres, 1831.

³ Hegel, G. W. F. Lecons sur la Philosophie de l'Histoire, trad. par J. Gibelin. – Paris, 1946. – P. 147.

⁴ Ibid. – P. 109. Гегель писал по поводу Индии и Китая: «Это конечная судьба азиатских империй подчиниться европейцам, и Китай также должен будет однажды принять эту судьбу». Можно сравнить с Марксом в статье «The future results of British Rule in India», появившейся 8 августа 1853 года в New York Daily Tribune: «Индия не могла избежать судьбы оказаться завоеванной, и вся ее история, если здесь есть история, есть история последовательных завоеваний, которые она переживала. У индийского общества совсем нет истории, как минимум, известной истории. То, что мы называем ее историей, есть лишь история последовательных захватчиков, которую создавали их империи на пассивном основании этих обществ без перемен и без сопротивления» (Sur les Societes precapitalistes. – Paris, 1970. – P. 178).

⁵ Koebner, Cf. R. Despot and Despotism: vicissitudes of a political term // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – 1951. – reprint Klaus Reprint. – Nendeln, 1970. – P. 275–302; Stelling-Michaud, S. Le myth du despotisme oriental // Schweiz. Beitr. zur Allg./Geschichte. – 1960–1961. – 18/19. – P. 328–346.

⁶ Marx, K. Contribution a la Critique de l'Economie Politique. – Paris, 1972. – P. 5.

⁷ «Формы, предшествующие капиталистическому производству», текст, который фигурирует в «Главе Капитал», гл. III, Manuscripts économiques de 1857–1858 [Grundrisse]. – Paris, 1980, t. I. – P. 410–452. Мы используем перевод, опубликованный в труде Sur les societes Precapitalistes, op. cit. – P. 180–226.

⁸ «Formes qui precedent le mode de production capitaliste», цитированный текст. – P. 184.

⁹ Ibid. – P. 205.

¹⁰ «Formes qui precedent le mode de production capitaliste», цитированный текст. – P. 184.

¹¹ Marx, K. The future results of British Rule in India, art. cite // Sur les societes precapitalistes. – P. 178.

¹² Id., в статье, появившейся 20 сентября 1858 г. в New York Daily Tribune. Ее название, судя по блокнотам Маркса, должно было звучать «Die Geschichte des Opiumhandels» [История торговли опиумом]. Взято в MEGA, Berlin. – Vol. 12. – P. 556.

¹³ Id., Le Capital. liv. I, t. 2. – Paris, 1950. – P. 48.

¹⁴ Id., The British Rule in India // New York Daily Tribune. – 25 июня 1853 года. – In Sur les societates precapitalistes, op.cit. – P. 177.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Id., The future results of British Rule in India, art. cite // Sur les societates precapitalistes. – P. 178.

¹⁸ Id., 3-ий набросок письма Вере Засулич, март 1881 г. // Sur les societates precapitalistes, op. cit. – P. 338.

¹⁹ Ibid., 1-ый набросок. – P. 321.

²⁰ Cf. Sur les societates precapitalistes, op. cit. – P. 381. «L'Époque franque» составляет часть, наряду с «La Marche» и «Sur l'histoire des anciens Germains», серии текстов, написанных Энгельсом в 1882 г. и предназначенных для разъяснения немецким рабочим истории немецкой нации. Энгельс воспользовался тезисами набросков письма Маркса к Вере Засулич. Три цитированных текста были переведены на французский язык и опубликованы в приложении L'Origine de la Famille, de la propriété privée et de l'Etat [Происхождение семьи, частной собственности и государства]. – Paris, 1945.

²¹ Marx, K. Contribution a la critique de l'Économie Politique. – Paris, 1972. – P. 5.

²² Id., Le Capital, op. cit., liv. III, t. 3. – P. 176.